

ВЫСОТЫ НЕ БОЯТЬСЯ!

Алмаатинцы, да и не только алмаатинцы хорошо знают актрису ТЮЗа Лидию Дымову. На сегодняшний день для юных зрителей Лидия Дымова — Антигона. Зачастую на улицах ее встречают и провожают возгласами, не деликатность которых искупается искренним восхищением: «Антигона! Гляди, это идет Антигона!» Сложная, яркая работа в спектакле ТЮЗа по пьесе Ануя «Антигона» раскрыла незаурядное актерское дарование Дымовой, определила ее творческий потенциал.

Сейчас актрисе Дымовой доверена очень серьезная роль в спектакле по пьесе И. Кочеткова «Сквозь грозы». Лидия Дымова готовит роль Надежды Константиновны Крупской. Думается, всем будет интересно послушать соображения самой актрисы в связи с новой работой.

Л. Дымова: Уже было сказано: роль серьезная. Можно добавить: чрезвычайно ответственная. И мне, молодой актрисе, естественно сказать: боюсь не справляюсь. Все так. Но, мне кажется, ни одну работу нельзя начинать с посылы «ой, боюсь!» — наверняка уже ничего не получится. В ответах Надежды Константиновны Крупской на анкету Института мозга есть такие строки о Владимире Ильиче: «Высоты не боялся — в горах ходил «по самому краю». Вот и я с помощью режиссеров Григория Владимировича Жезмера и Мен Дон Ука настраиваю себя так: высоты не бояться!

Л. Дымова.

Пока не только трудно, а просто невозможно говорить о том, каким получится спектакль. Возможно, режиссеры его уже видят, Я лично — нет. Репетиции, репетиции. Чтение и раздумья. И дискуссии среди актеров о понимании ленинских работ, конкретных высказываний. Молодые актеры театра вновь возвращаются к произведениям Ленинина, изучают их глубоко, заинтересованно, эмоционально. Ленинские мысли, ленинские строки помогают понять суть пьесы, суть отдельных ситуаций, сцен. Для меня и для многих товарищей подготовка спектакля «Сквозь грозы» — школа политического

возмужания. Я считаю, что такую школу обязаны пройти все актеры, особенно молодые. Относительно недавно мы все на школьной и вузовской скамье что-то «проходили», а на поверку оказывается, что многое, очень многое надо изучать почти заново. Главное — заново, по-взрослому осмысливать.

— Зрителей, читателей всегда интересует актерский способ овладения ролью. Что бы Вы могли сказать нам по этому поводу?

Л. Дымова: Я еще не овладела своей новой ролью. Я только на подступах. У меня, вероятно, нет никаких новых, исключительно моих «способов». Надо полагать, я иду проторенными тропками. Никого не удивит то, что у меня собрана целая коллекция фотографий Надежды Константиновны Крупской. Я изучаю ее лицо, пытаюсь понять глаза... Говорят, что через глаза можно заглянуть в душу. По пьесе роль Надежды Константиновны Крупской невелика. Словесного материала совсем немного. Чтобы использовать его с максимальной выразительностью и отдачей, я считаю своим долгом, своей обязанностью понять, каким человеком была Надежда Константиновна Крупская не только в тот период, которому посвящается пьеса, а на протяжении всей ее жизни. Чем больше я читаю, чем больше узнаю о Надежде Константиновне, тем обиднее мне становится за то, что по воле драматурга Кочеткова я буду иметь возможность сказать так мало. Ну, это уж так — к слову. Просто не удержалась. Я ведь понимаю, чтобы мало сказать, надо много знать и уметь.

О Надежде Константиновне я никогда не думаю в отрыве от Владимира Ильича. Я знаю, что им приходилось разлучаться, но в моем представлении они всегда вместе с той первой встречи «на блинах» у Р. Э. Классона в феврале 1894 года. Петербургские марксисты обсуждали, каким

путем надо идти. Надежда Константиновна сразу приняла сторону двадцатичетырехлетнего «волжанина».

В пьесе, которую мы собираемся ставить, пушкенский период жизни Ленина и Крупской. Известно, что в эту пору Владимир Ильич был широко связан с революционным движением, оказывал глубокое влияние на закалку революционеров, отбывающих ссылку, сибирскую каторгу.

В пьесе есть такая сцена: у Владимира Ильича обыск. Жандармы перебирают, перелистывают книги на полках. По ремарке драматурга Владимир Ильич подставляет жандарму скамеечку, чтобы он мог взять книги даже с самой верхней полки.

Нам была непонятна ремарка, мы не могли найти для этой сцены нужное настроение до тех пор, пока писатель Алексей Семенович Белянинов, случайно пришедший на репетицию, не подсказал нам, что во время того обыска запретная литература, листовки были спрятаны на самой нижней полке. Оказывается, это тоже историческая подробность. Она очень помогла нам в работе, помогла создать в той сцене нужную атмосферу.

— Какая из Ваших сыгранных ролей ближе всего к новой роли в спектакле «Сквозь грозы»?

Л. Дымова: Зоя из спектакля «Сердце на ладони» и Антигона. Пожалуй, ближе всех все-таки — Антигона. И совсем не потому, что это одна из многих последних работ. Нет нужды объяснять, что роли Антигоны и Крупской совершенно разноплановые. Ну, во всем как будто бы, общее в них — человеческая цельность, мужество, верность идеалам. Да, да, конечно! Я просто не могла бы придумать лучшего эмоционального «мостика» к роли Крупской.

И потом мне кажется, что Антигона могла бы стать любимой героиней Надежды Константиновны. Я делаю такое предположение, основываясь на

размышлениях Надежды Константиновны о театре, о народных зрелищах. Если можно, прочитаю одну цитату из статьи Крупской, написанной в первые годы Советской власти: «Не случайно, однако, что в Советской России оказывается такая стихийная тяга масс к искусству вообще, к театру в частности. Играл все — в самых глухих деревнях ставят спектакли, в каждой школе играют дети и взрослые... На празднества стекаются со всех концов...»

Почему Россия превращается в какие-то своеобразные Афины?... Революция подействовала осмысленным образом на эмоциональную сторону жизни, пробудила в массах ряд порывов, ряд неясных, неосознанных чувств, раскидала зародыши коммунистических инстинктов, взбудоражила, встряхнула низы. Отсюда и тяга к искусству, отсюда и стремление изобразить при помощи искусства то, «что делается на душе...»

Во многих выступлениях, статьях Крупская говорит о необходимости создания яркого, цельного героя и в литературе, и в театре. Героя, судьба которого заставляла бы думать.

И сегодня мы мечтаем о таком герое, понимая, что следовать ему, подражать — не значит снимать точный слепок с его жизни. Каждая человеческая жизнь — неповторима. Ковечно, неповторима и жизнь Надежды Константиновны Крупской. Наверное, ни в каком одном художественном произведении невозможно отобразить ее полностью. невозможно воссоздать во всем объеме образ этой замечательной русской женщины. Я мечтаю передать зрительному залу то, что было на душе у Надежды Константиновны Крупской в те конкретные дни, о которых рассказывает пьеса «Сквозь грозы». Для меня работа над образом Крупской — это стремление передать юному зрителю духовную эстафету первого поколения большевиков, их идеалы.